

Владимир Задра

65,99 градусов северной широты

Рассказы

18+

Владимир Задра
65,99 градусов северной
широты. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39443166

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-1370-1

Аннотация

В этом сборнике вы найдёте всё, что волнует каждого человека: просто о жизни, о любви, о смерти. Рассказы очень разноплановые, полны иронических метафор и тонкого юмора. Произведения автора получили заслуженное признание на крупнейшем литературном сайте России и рассчитаны на самый широкий круг читателей.

Содержание

В небесной канцелярии	4
Разрешите вас украсть!	7
Доживший до пенсии	13
Цветок	16
Мамин урок	19
Но я не плачу!	21
Я буду ждать тебя	23
Когда без жены	28
В издательстве	31
История одной любви	34
Грибы	39
Третий Рим	52
Монтсеррат Кабалье	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

В небесной канцелярии

В небесной канцелярии начинается совещание. Если раньше Создатель проводил их раз в пять тысяч лет после создания мира, то последние пятьсот лет решено проводить такие совещания раз в сто лет. Уж очень беспокойно стало на Голубой планете после появления Человека. Кроме этого, Верховный любил сам инкогнито побывать на Земле и лично убедиться, как в действительности на самом деле. Что говорить, пока соберут все молитвы в небесной канцелярии, поставят входящий номер обращения, распределят по папкам, иногда бывает уже и слишком поздно с рассмотрением молитвы. Бюрократия – она везде бюрократия, даже в небесной канцелярии.

- Ну, как там внизу? – бодро начал Создатель
- Стреляют..., – кто-то вздохнул.
- Руки бы у них поотсохли! Уже сколько тысяч лет стреляют. Чего хотят?
- Власти, господства...
- Ничего у людей не меняется! Уже на Землю их депортировал. Вроде, уже дальше некуда.
- Так некоторые себя с Тобой хотят сравнить. Твоя роль в мировом пространстве покоя не даёт.
- Пусть научатся управлять не с помощью власти и денег,

а Словом! Маловато я дал мозгов людям. Кто-то на Земле сказал: “Красота спасет мир”... Вот, например, самый красивый гриб – это мухомор. И что дальше?! Не Красота, а Доброта спасёт мир. Вот только телохранителя пока к Добrote приставить надо. Но это мои недоработки. Что ещё?

– Однополые браки хотят религиозно узаконить...

– Как это, как это? – Создатель нервно заходил по облакам. – Ведь это же угроза всему живому! Не бывать этому никогда! Ведь ясно же сказал: “Каждой твари по паре!” Вон как голуби воркуют. Это два мужика будут так ворковать друг с другом? Не верю!! Ой,..., – Создатель схватился за сердце, – валидол у кого-нибудь есть? Это же валидольная планета, создал Человека на свою голову! В одноклеточные амёбы превращу! С бесполом размножением путём деления клетки и пусть тогда заключают какие хотят браки. Что ещё?

– Мужчин совсем запугали. В некоторых странах за букет цветов даме – можно срок заработать. Они это называют – сексуальное домогательство.

– А каким домогательство должно быть? Не будь его – ничего расти не будет. Только везде голая пустыня. Конечно, у некоторых с этим перебор. Но все законы на стороне женщины и это правильно. Женщины – это моё лучшее творение!

– Так женщинам всё кажется, что их обделили. Замужние дамы так говорят про своих мужей: “Выкинула бы, да жалко!”.

– Вот бабы! Пардон, женщины. Красивые и поэтому такие

безбашенные. Пардон, недавно внизу был, наслышался этого сленга! Чего женщинам ещё не хватает?! Слишком высоко я их превознёс. Ваши предложения?

– Сократить поголовье мужчин, – сказал кто-то, – чтобы их больше ценили.

– Кого сокращать?! Итак, продуктивных остаётся всё меньше и меньше. Сначала появляется пузо, а потом его обладатель, или будущий отец семейства за компьютером прячется. И это называется мужчины. Как же такие будут свою женщину защищать? Тогда уже точно будут размножаться с помощью пробирок. На этом нашу встречу закончим. Не будем уподобляться землянам, любителям всевозможных соществаний и лозунгов. Ещё раз только повторю для всех присутствующих: “Не навреди!”. Все по рабочим местам!

Разрешите вас украсть!

Что-то меня на молодых потянуло. Мне шестьдесят, ей всего пятьдесят. В ещё моложе влюбляться нельзя – не в куклы же с ней играть. Может это кризис среднего возраста? Но этот возраст давно у меня прошёл, тогда какой же сейчас идёт? Всё равно этому надо положить конец: сколько ещё могу мучиться. Она меня сразу разоружила своей правильной речью – это моя слабость. Наконец, услышал поставленную речь, приятный тембр, интонации, паузы, терпение, внимательность. Даже скандалить с ней не стал, возмущённый безграмотностью её операторов операционистов. Не стал заходить к начальнику отдела, наученный горьким опытом, а сразу к ней, директору. Потом ещё несколько раз заходил, иногда с цветами. Между прочим, она украинка. Никогда не поверю, что хохлушка не умеет готовить. Давно бы её штурмом взял, если бы не мои проблемы. Потом скажет, что использовал в своих целях. Если даже она не скажет, то скажут другие... Теперь всё позади. Что есть на вооружении у современного пенсионера, чтобы завоевать влиятельную даму в нашем городе? Прежде всего – это классика: ухаживание, внимание, цветы – это всё легко. Конечно, выбор хороший, но в наше время не помешал бы приличный счёт в банке. Вот только где его взять? Расклад явно не в мою пользу. То-

гда начнём с самого начала: взаимоотношения между мужчиной и женщиной – вот это изменить нельзя. “Женщину надо брать!” – как-то сказала моя вторая жена... Как там у Е. Баратынского: “Премудрость высшего творца не нам исследовать и мерить.”... Остаётся импровизация. Вспомню-ка что-то вроде мало применяемого шахматного контргамбита Альбина и начнётся он со слов: “Разрешите вас украсть?!” В случае её неуверенности, неожиданности, но благосклонности, просчитываем всевозможные варианты её ответа и готовим домашние заготовки-ответы, после которых позицию ей просто не удержать. Может это я всё зря затеял? Но те знаки внимания, которые она оказывает, откровенность: про маму, сына рассказывала, что на Новый Год не хочет оставаться одна, поэтому уедет к сыну. Как это я должен понимать?! Или это её стиль разговаривать с посетителями? Ладно, разберёмся в бою.

Теперь вторая часть контргамбита Альбина: она не хочет замуж. Тем более как-то прямо и сказала: “Только не это!” Но отношения без обязательств – это не для меня. Жизнь без обязательств – это тунейдство. Но и в этом варианте просто так не уйду и скажу:

Я вас понимаю. Это по молодости было много сил, надежд, планов. Но жизнь оказалось совершенно другой: где-то нас использовали, где-то мы переоценили свои силы. И теперь имеем то, что имеем. Это далеко не то, о чём мечтали. Но это сегодняшнее настоящее добыто колоссальным тру-

дом. И мы не имеем права этим рисковать. Теперь понимаем, что жизнь очень скоротечна. У нас не остаётся уже времени на исправление ошибок. Сохранить хотя бы настоящее, чтобы перейти с этим в уже подготовленное относительно спокойное будущее. Поэтому круг интересов, желаний сужен до самого необходимого. Обзаводиться семьей – это риск, тем более что мы очень на этом обожглись. Где уверенность, что неудачный опыт не повторится снова? Муж и жена – это вообще не родственники. К тому же надо считаться с мнением мужа. Вы мне напоминаете миллионершу: должность, статус, уважение. Это признание ваших способностей, которыми обладаете и, наконец, вы интересны, как женщина. А под мужа надо подстраиваться. Зачем всё это вам надо? У вас есть всё, кроме одного – человеческого рядом тепла. Когда даже кожей чувствуешь, что дома тебя никто не ждёт. Но это не смертельно. Можно завести собаку, кошку или просто телесериалы посмотреть по телевизору. Гораздо легче заработать миллион, чем стать счастливым. Человек удивительно приспособлен к выживанию и сохранению своего вида: инстинкт самосохранения, инстинкт продолжения рода, девяносто процентов времени он занят оправданием самого себя и так далее. Полный пакет – всё включено, в таком пятизвёздочном отеле под названием “Жизнь”, только в этом отеле не предусмотрена – Любовь. Поэтому нам только остаётся верить в Бога, любовь и сказки.

Вот теперь можно будет уходить. Пусть подумает о сво-

ей успешности, самодостаточности и одиночестве. Анализ предстоящей партии закончен, можно идти с цветами и признаваться в любви. Подвиги надо совершать легко, а то никогда не решишься.

– Здравствуйте. Можно войти?

– Входите, – Наталья Фёдоровна улыбается, встаёт с кресла и принимает от меня цветы, – Вы как настоящий джентльмен... Ваши документы пришли, всё в порядке, – берёт со стола пакет документов и передаёт их мне.

– Спасибо. Наталья Фёдоровна, у вас чистый спирт есть? – с улыбкой спрашиваю я.

Она уже привыкла к моим шуткам:

– Зачем?

– Ордена принято в спирте обмывать. Пакет документов окунать в него не будем, но бросим туда вашу серёжку. Всё с вас началось, когда мы составили пакет документов за два-три дня, и они ушли в Ухту. Это не так, как я месяцами хожу к вашим операторам, чтобы собрать все документы.

– Это моя работа, – но она не может скрыть, что ей приятно.

Начинаю контргамбит. Ну, кони, выносите:

– Я не только за этим пришёл. Наталья Фёдоровна, разрешите вас украсть?!

– Это как? – всё правильно: она по уши связана своим статусом, обязана всегда сохранять самообладание и, в конце концов – она женщина.

– Пока не могу сказать – как, – оценивая разглядываю директора банка – но фактуру повредить нельзя – давайте вместе продумаем этот момент.

– Почему именно украсть? – спрашивает она с интересом.

– У нас в роду традиция такая, если серьёзные намерения – надо украсть невесту. У брата девушка была азербайджанка, и её родители ни в какую не хотели выдавать за русского. Тогда мы молодых проводили в самолёт, и когда самолёт взлетел, мама мне говорит: “Ну, всё, самолёт в воздухе, теперь их не догонят. Вова, поехали к ним домой. Девочка ночевать не придёт, чтобы родители не волновались.

– Вы же меня не знаете. И вообще сомневаюсь, что меня кто-то вытерпит.

– Гамбит противником принят, теперь время домашних заготовок:

– Дома разберёмся.

Наталья Фёдоровна пытается всё-таки спасти позицию:

– Я вас не знаю.

У противника цугцванг – нет хороших ходов и позиция у неё безнадёжна. Вот что значит тщательная подготовка перед партией. Просто надо дожать, но я не на турнире. Надо аккуратно: женщина, как и Восток – дело тонкое:

– Я уже год заполняю самые различные анкеты в вашем банке. Вы меня лучше знаете, чем я самого себя. Надо лучше меня узнать? Пожалуйста! Культурная программа: прыжки с парашютом, сплав на плоту по реке Макариха, посещение

нашего кинотеатра “Томлун”: последний сеанс, последний ряд. В качестве приложения, могу предложить пройтись по магазинам – это самое увлекательное занятие в нашем городе. Надо же определиться, что покупать перед помолвкой и заодно отметим это дело.

– Последний сеанс, последний ряд – как давно это было...– Наталья Фёдоровна мечтательно вспоминает – Но в кинотеатр мы не пойдём. Лучше по магазинам, чем прыжки с парашютом. В магазинах можно сразу составить мнение о человеке. Если это бутики, то его стиль, вкус, харизму. Если это продуктовый магазин, что он готовит и как – по специям, которые выбирает.

– Фрунзика Мкртчяна помните? Его знаменитую фразу: “Валико, ты любишь долма?” Наталья Фёдоровна, как я соскучился по долме! Я после шести позвоню и мы определимся. До свидания.

– До свидания.

Чистая победа! А теперь пусть выигрывает все последующие партии.

Доживший до пенсии

Это когда ещё можешь пробежать сто метров за девятнадцать секунд, но уже забываешь бутылку водки в магазине.

Это когда ты знаешь, что у тебя лежат в кармане тысяча рублей, но, вдруг, там их не находишь. Обыскиваешь все карманы, заглядываешь даже в туфли и носки, мучительно раздумываешь, куда бы ещё заглянуть... В расстроенных чувствах снимаешь деньги с карточки и кладёшь в этот же карман. И опять их там не находишь. И это неважно, что потом находятся все деньги, т.к. был в разных брюках, джинсах и пиджаках. Ты начинаешь глубоко задумываться из-за этой тысячи о смысле жизни...

Когда твоя любимая уже весит намного больше тебя и не можешь поднять её на руки.

Это когда уже не можешь повторить все двенадцать подвигов Геракла, с трудом хватает сил только на один.

Это когда, наконец, можешь себе позволить ранее непозволительную для себя роскошь на работе – быть самим собой. Выгонят – ну и пусть. Пусть сами учатся понимать производство, а не только служебные записки и письма писать.

Это когда твоё время безвозвратно ушло. Настало время Интернета, полуфабрикатов и дошираков. Чувствуешь себя, как эксклюзивные валенки, выставленные в современном

обувном магазине. Захожу к девочкам в отдел и спрашиваю о чисто русской еде:

– Кто и как готовит солянку? Смотрел в Интернете, а там от болгарского перца до сёмги.

В ответ гробовая тишина.

– Ну, да – русских здесь нет. Только лица неизвестной национальности. Одни шпионы вокруг!

Но я всё равно приготовлю своё любимое соте и почитаю любимых авторов О Генри, Куприна и так далее.

Деньги давно уже не пропиваю, но ощутимую часть прокуриваю. Вот буду жить на одну лишь пенсию и, точно, брошу. Уже знаю как: пристегну себя наручниками к отопительной системе. Вот только с женой что делать? Она же оторвёт меня вместе с радиаторами и трубами...

На одну пенсию можно прожить: если не пить, не курить и в гости не ходить. На семьдесят процентов питаться дарами своего огорода, леса и близлежащего водоёма. И умудриться при этом не заболеть.

Дожить до пенсии нашим мужикам – это подвиг, который барону Мюнхгаузену и не снился.

Это когда Система утверждает: ты ещё остался нам должен!

Когда твои дети стали умнее, мобильнее тебя, Но за твоими плечами опыт, проведённый при большевиках. Где каждый год шёл за три, иногда за пять. Наше поколение нельзя сломать, поэтому и будем всё равно учить детей, переживая

за их будущее.

Пенсия – это когда... но песни надо допеть до конца!

Цветок

К нам пришла долгожданная весна. Это трудно назвать весной, когда по утрам плюс шесть, а днём плюс шестнадцать и то не всегда. Были года и потеплее весной, но в этом году вот такая, хоть без мокрого снега в начале июня. И вот что интересно, даже в таких неблагоприятных климатических условиях наш небольшой газон перед офисом стал покрываться жёлтыми цветами с красивым оттенком. Житель я сугубо городской, поэтому не разбираюсь в нашей флоре и фауне. Берёзку не спутаешь, а вот остальное, например: это дерево ясень, карагач или черёмуха? Конечно, когда цветёт черёмуха, то сразу по запаху определишь. Или, например, эта маленькая пичужка дрозд или скворец? Но яблоневый сад в цвету в Астраханской области, никогда не забуду...

Не могу сказать, что не бываю на природе. Со спиннингами побывал от Каспия до Баренцева моря. Могу поддержать любой разговор о рыбе, рыбалке, рыболовных снастях. Например, почему каспийская селёдка иногда называется залом? Легенда гласит, что ещё в царских рыболовных артелях в Астраханской области применялся специальный ломик для разделывания рыбы, на одном конце которого был крючок для захвата рыбы, а на другом – нож. И если селёдка превосходила по размерам этот ломик, то она автоматически пере-

ходила в категорию “за-лом”.

И вот настал день, когда всё было в этих цветах, а это приблизительно две сотки земли. Я видел в Азербайджане целое поле маков, но здесь, на Крайнем Севере, зрелище не хуже, как будто эти цветы солнышка нам добавляют. И сами цветы необычные, чем-то ромашку напоминают, но жёлтые, лепестков гораздо больше и сами они узкие, а сам цветок двухъярусный. Поинтересовался у сослуживцев:

– Как называются эти цветы? Кто их высаживал?

Но никто ничего не знает:

– А бог его знает. Полевые цветы...

И вдруг замечаю, что среди цветов появился знакомый с детства одуванчик. С каждым днём их становится всё больше и больше. Тут я уже не выдерживаю и иду детально знакомиться с цветами. Точно! Одуванчик! Стебель мощный, любую головку цветка выдержит, листья достаточно большие, узкие, в профиль чем-то ель напоминают, корень длинный, ветвистый и уходит вглубь. Вырвать с корнем практически невозможно. Хотя одуванчик считается сорняком, но сколько лекарств из него приготавливается! А какое варенье из цветков, по ароматному запаху напоминающее цветочный мёд!

Смотрю на эти родные одуванчики и почему-то о человеческой жизни задумался. Кто как проживёт свою жизнь: сорняком или для пользы. Ведь мы чем-то их напоминаем: неприхотливы, непритязательны, но будем цепляться за

жизнь из последних сил. И как одуванчик, повзрослев, разлетаемся по свету из своего отчего дома, осваивая новые пространства и создаём уже свой дом и свои маленькие солнышки...

Мамин урок

Давно было, я ещё маленький был. Мама мне говорит:

– Сегодня мы идём на день рождения к моей сестре.

– Ура! Что-нибудь вкусненькое поем! – радуюсь я.

– А ты что, голодаешь или дома не бывает вкусненького? –

с укоризной спрашивает мама. – Гёрмямиш!* Мне стыдно за тебя!...

Она меня так отчитала! На всю жизнь запомнил. Хотя перед этим проглотил пятнадцатикопеечную монету и мне за это почти ничего не было. Только мама затаскала меня после этого по больнице и поликлинике. Каждый день она с врачами следила по монитору, как эта монета движется к естественному выходу. У меня врачи спрашивали, какую именно проглотил монету: показывали разные и даже металлический рубль. Но я же был не совсем маленький, чтобы глотать целый рубль! И, наконец, настал день, когда мама нашла в моих какашках эту злосчастную монету и показала мне. В истинности монеты я засомневался, так как проглотил новенькую и блестящую, а эта была чёрной.

Мама, моя милая мама, тебя уже давно нет, но я всё равно чувствую себя под твоей защитой. Недавно, седьмого апреля, в день твоего рождения, обкуренный молодой человек стрелял вокруг себя из травматического пистолета и вдруг

приставил его к моей голове...

Наверное, Бог сказал тебе:

– Рената, смотри за своим сыном сама, ты справишься.

* Гёрмямиш (азерб) – голодушник, человек с ненасытными глазами.

Но я не плачу!

– Что ты на меня смотришь и смотришь? Лучше бы кусок колбасы дал! Никогда не пробовал... И лапка у меня болит, хромаю – мальчишки камнем подбили на улице. И братья меня обижают, потому что я самый маленький. А сёстры – вообще ужас! С ними даже братья не связываются. Как поднимут скулёж, так мамка сразу прибегает. Какой же у них противный голос! И ещё у меня голова постоянно болит. Мы же все в подвале родились, когда на улице было минус сорок. Мамка нас и перетаскивала с места на место. Всю голову мне отбила о стены и трубы. Я всё время голодный – у мамки молока уже нет, хотя сиськи висят почти до пола. А то, что есть – высасывают братья и сёстры. Мамка тоже хороша, нашла с кем любовь крутить. Нет, чтобы с волкодавом. У него в рации творог, яйца, мясо, косточки. Ему даже обед готовят. На всю нашу семью хватило бы. Папашка настругал шестерых детей и не помогает нам, только умный вид делает. А братика у меня уже одного нет – мальчишки его замучили. У вас, у людей, хорошо – детские дома, потом квартиры должны дать. Обманывают, правда, сирот часто. Но хоть перспектива какая-то есть. А некоторых даже в семью берут, редко, правда. А у нас какая перспектива? Дождь, снег и подвал! И никто не подойдёт, доброго слова не скажет. Сестрёнкам

легче, они всё равно как-то приспособятся. Нет, я не плачу! Мне по статусу не положено плакать, я же мальчик. Мальчишки к моему хвосту пустую консервную банку привязали. Вот страху натерпелся: я бегу, а банка за мной гонится и грохочет. Сердце чуть не выскочило. А папашка наш голодранец и трус! Две недели назад собачий ящик приезжал, так папашка первый сбежал. А мамка увела людей от нас, с тех пор мы её не видели. Теперь больше никто не подойдёт и не лизнёт меня, и не к кому больше прижаться...

Хоть посмотреть на эту колбасу, как она выглядит...

Я буду ждать тебя

Труба за окном, наверное, больничная котельная, верхушки деревьев и маленький кусочек неба. Звуки улицы, обычно назойливые и раздражающие, почти не беспокоят. Скоро весна. Пока деревья стоят не одетые. Видно, как шевелятся ветки под порывом ветра или под тяжестью севшего воробья. С каждым днём их число увеличивается. Вот кто самый демократичный и общительный народ. Каждый радостно всем сообщает о своём появлении. Посидеть бы с ними на веточках и почирикать, а то лежишь, как в склепе. Представляю, как будет хорошо здесь весной. Так же как и в моём старом дворе. Хоть и взяли с Аллой новую квартиру, а ноги сами идут к своему старому дому. Посидишь на лавочке около дома или на балкон выйдешь и просто дышишь. Воздух там какой! Алка сразу привыкла к новой квартире, а я так и не смог. Не моё это всё! Мне ближе, когда мы, одиннадцать человек, в шестидесяти квадратах жили. Сейчас, в стометровой, ищем друг друга. И кругом высотные дома – солнца даже не видно. Тоска!

Скоро жена придёт, надо подготовиться. Она и так уже “дошла” со мной. Единственное, что мог сделать, настоял, чтобы положила сюда: лекарства, процедуры, уход – мол, ещё есть надежда. Хватило бы мне только сил до конца вы-

держат эти боли и достойно уйти. Перепробовано уже всё, но пока не научились лечить эту болезнь. Может и научатся лет через сто.

– Федя, привет!

– Здравствуй, Алла.

– Лекарства принимаешь? Тебе веры нет! На процедурах был?

– А то! Как на персональной машине, никого по дороге не подсаживают. Погрузили, отвезли, привезли, сгрузили.

– Медсестра говорит, что ты целыми днями в окно смотришь. Даже телевизор не просишь включить. Сын зачем его тебе привёз?

– Фильм интересный – “Жизнь” называется, только каналы не переключаются.

– Ты почему не ешь яблоки, мандарины...

Хороша у меня Алла, даже если бы не был на ней женат, всё равно за ней бы приударил. Вроде все долги заплатил, только жене останусь должен. Обидится она на меня, что одну оставил. Прости меня, Алла, не смог – не бывает к Богу опозданий... Интересно, выйдет она после меня замуж? Одиночество – не самая приятная вещь. Дети, внуки – это всё понятно. Но это никакой личной жизни. Даже если она и выйдет замуж, я буду не в обиде.

– Федя, Федя ты меня слышишь? О чём ты думаешь? Почему на меня так смотришь?

– Жизнь нашу с тобой вспомнил. Как начинали, как дети

болели, как власть в стране поменялась: то федерация у нас, то конфедерация. То голод, то война. Только сейчас до меня дошло, как мало уделял тебе внимания.

– Выйдешь и наверстаешь, – уверяет Алла.

– Уже не выйду. Ты это... того... если нормального человека встретишь...

– Прекрати!

Интересно, а где она скажет, чтобы её похоронили? Около своих родителей или около меня? На христианском кладбище видел могилу Екатерины Байрамовой-Соколовой, а рядом с ней могила Байрамова, но дата на ней на пять лет спустя и это в мусульманской республике! Молодец мужик, Бог всё равно один. А около своей верной жены всегда спокойней.

– Федя, Федя! Ты опять меня не слушаешь

– Светлана сегодня к тебе заскочит, а Игорь не сможет.

ь!

– Дети как?

Пора собираться в дорогу. В первый раз в жизни пойду налегке: без комплекта тёплого белья, без термоса с чаем, еды, чтобы перекусить два раза, без спиннингов. Туда ничего не возмёшь, кроме своего честного имени и своих дел в этой жизни. Вот только кто теперь будет отмечать все дни рождения моих родных? Больше никому, я был последний... Зато встречу своих: бабушку, опять стану у неё спрашивать о местах не столь отдалённых, где провела восемнадцать

лет, где встретила жён Тухачевского, Уборевича. Как смогла ты выжить в этом аду... Брата увижу, но он снова улизнёт на свидание, а скажет, что пошёл в библиотеку. Отец опять будет что-то ремонтировать, хотя, что там можно ремонтировать наверху? Маму увижу. Она теперь точно меня ни на шаг не отпустит.

– Федя, Федя!

– Что ты кричишь? Я тебя прекрасно слышу!

Ну что мне тебе сказать?! Что я всегда чувствовал твоё верное и надёжное плечо? Что ты всегда стояла, как тот оловянный солдатик? Что мне просто повезло с тобой, даже повода для ревности не давала. Не как твоя сестра. Муж с другим её застукал. Так он ещё ей цветы купил, в знак своего прощения. Вот она и получила индульгенцию на следующие свои похождения. Поубивал бы таких мужиков!

– Я буду ждать тебя. Приготовлю твоё любимое соте. Но не торопись ТУДА, у тебя ещё ЗДЕСЬ много дел. И никто кроме тебя теперь это не сделает. Конечно, я всё равно буду рядом, возле тебя и детей, и буду помогать, чем смогу. Посмотри на нашу дочь, разве можно так разговаривать с детьми? Звонит она по телефону: “Маша, через пятнадцать минут буду дома и буду вас кормить. Если игрушки не будут убраны, то повешу тебя и твою сестру на вешалках”. И это ещё дочь меня стеснялась! А наш сын Игорь? Как только создал своё дело, сколько он стал пить! Я понимаю, что без этого ни один вопрос не решается, но не в таком количестве!

Жена ему ничего не может сказать, он на неё имеет гипнотическое действие. Сколько я могу с сыном воевать из-за этого.

– Игорь почти и не пьёт, как узнали, что у тебя, – отвечает Алла.

– Знаешь, всю нашу жизнь с тобой хотел тебе детские стишки прочитать, но боялся показаться сентиментальным.

Теперь могу:

“Жмёмся мы к друг дружке

Чтоб теплее стало...”

Я буду ждать тебя...

Когда без жены

Увидел в газете:

"Список составляющих, которые будут нужны для приготовления блюда: один стакан кефира (или простокваши), половинка чайной ложечки сахарного песка и такое же количество соли, один стакан мелко натертого сыра твердых сортов, два стакана пшеничной муки, половинка чайной ложки соды, ну и также для начинки один стакан мелко нарезанной ветчины, колбаски или сосисок и растительное масло для жарки (желательно рафинированное)".

Какой простой, красивый и изящный рецепт – как раз для меня! Надо попробовать. Надеюсь, что в этот раз обойдётся без жертв. В последний раз, когда я делал пирожки, то пришлось отдирать засохшее тесто к рукам вместе с кожей. О самих пирожках уже не говорю. Хоть кто-нибудь сказал бы, что начинки кладётся десертная ложка, а не половник! Тесто на пирожках не закрывалось, пришлось латки изготавливать и присобачивать. Все пирожки были в заплатках и неопределённой формы...

Ладно о грустном, итак, половинка чайной ложки сахара, соли, соды – а это сколько в граммах? 10 граммов, 20 или 30? Чайные ложки могут быть разными по объёму. Только неотвественные женщины могут написать такой рецепт.

Ладно, чтобы не обидеть соль, сахар и соду, берём всё поровну, сохраняя тем самым главный принцип – всё должно быть в гармонии! Возьмём дифференциал... От чего же мне его взять? О! От общего объёма муки, кефира, сыра и так далее. И получаем 13,263748495 граммов. Но сначала надо одеть фартук. Это процесс! А вот женщины наплевательски относятся к этому важному компоненту готовки. Берём электронные весы и начинаем взвешивать. Как всё легко, когда есть техника! Теперь сыр – это на тёрке. Готово. Затем посуда, где смешаем все ингредиенты. Это есть. Заправляем муку, сыр и кефир. Теперь чем мешать? Блендером и никаких проблем. Мешаем, и что же это такое получилось? Как можно вовнутрь положить колбасу или ветчину, если это похоже на заготовку для блинов? Опять добавлять муку? Нет! С меня предыдущих тех пирожков хватит, больше не хочу! А колбасу и ветчину можно и так съесть или положить на сковородку и залить яйцами. Нет таких проблем, чтобы их не смог решить российский мужик! Даже российские женщины не в состоянии его поставить в тупик. Начинаем жарить сырники, типа хачапури. Вроде получаются, но почему они разваливаются? Что-то не так в этом процессе. Как же наши бабы их делают? Вроде температуры недостаточно. Берём штангенциркуль, рулетку и начинаем мерить. Измеряем площадь конфорки, высоту пламени, вычисляем полезную площадь сковородки и берём интеграл. Вычисляем и получаем, что температура дна сковородки 937,345 граду-

сов Цельсия. Так как площадь конфорки и сковороды – величины постоянные, то жмём на ручку газа и увеличиваем пламя на сантиметр. Измеряем, как увеличилась высота пламени и вычисляем температуру сковороды – 1057,567 градусов. Вполне приемлемо, и смотрим на процесс. Да, лучше, но не совсем то. Это лишь означает, что я пошёл не по тому пути. Тогда берём вязкость муки, сыра, кефира и так далее. Смотрим по справочникам их значения и подставляем в ряд Фурье, так как очень много компонентов. И теперь наблюдаем за третьей гармоникой. Она основная – остальными можно пренебречь. Третья гармоника показывает, что всё дело в пространстве. Что бы это значило? Хм... Эврика! Объём! Надо ограничить объём растекания массы. У меня ещё осталось полкастрюли хачапури, выливаю на сковородку. И получаю кулебяку! Как всё просто! Не представляю, как наши женщины готовят, не зная высшей математики? О! Добавляю колбасу и ветчину и получаю пиццу. Пора мне начать писать книгу по кулинарии! Одна сторона моей пиццы уже подошла, переворачиваем и ждём. У меня уже слюнки текут. Вроде готово. Надо попробовать, как середина пиццы, готова ли? Что это такое? Как резина, даже нож не берёт...

Пора заканчивать этот эксперимент и идти в кулинарию. Как раз по дороге и выброшу своё произведение искусства. В магазин ещё надо зайти: взять бутылку водки и выпить за Победу! Всё могло быть и хуже!

В издательстве

В кабинете редактора. Редактор Автору:

– И шо вы имеете сказать в Литературе, с вашим порванным чулком и подбитым глазом?

– Возьмите мою рукопись...

– Вы хотите видеть, шобы ваш душевный перегар услышал не токо я?! За шо вы меня так не любите?

– Ну возьмите мою рукопись...

– Достаточно того, что я уже просмотрел. Так что же Автор, то есть вы, хотели сказать своим произведением? Про Большую и Чистую Любовь? Или про свои разборки с соседями? Не удивлён, что у вас синяк под глазом. В вашем бессмертном произведении толпами появляются родственники ваших соседей и внезапно, теми же толпами, исчезают. Это детектив или шо? Или готика – это щас модно... А скудова название выцарапали – “Полёт шмеля”?

– Так соседи шумят, как тот шмель... Ну возьмите мою рукопись...

– Деточка, вы давно заглядывали в букварь?

– Ну возьмите мою рукопись...

– Лучше купите себе леденцы, воздушные шарики и покатайтесь на карусели.

– Ну возьмите мою рукопись...

- Если я опубликую вашу рукопись, то в другом издательстве будет праздник, а мои дети пойдут просить милостыню.
- Меня никто не любит... ну возьмите мою рукопись...
- Ну и что? Меня тоже никто не любит. Жена и дети только и говорят: “Дай деньги!”. И только в конвертируемой валюте.
- Ну возьмите мою рукопись...
- Кошек на пляже соберите и читайте им свою рукопись.
- Ну возьмите мою рукопись...
- Я вас больше не задерживаю... Идите... в Художественную Литературу!!! Наденьте только рубище, возьмите посох и туда! Скажете, что я послал!...
- Ну возьмите мою рукопись, хочу стать писательницей. Я вся горю в литературном либидо!
- В чём горите??
- В литературном либидо!!
- Хм... Что вы мне голову морочите, так бы сразу и сказали. Легенду вам придумаем: что вы прошли тяжёлую жизнь: сирота, детдом, инвалидная коляска... Реклама произведению будет, будут и положительные отзывы маститых писателей. Из вашего произведения сделаем “Уголовные хроники”. Стилисты исправят ошибки и пару умных мыслей напишут. А потом вас убьём. Чтобы читатели не видели вашего подбитого глаза и порванного чулка. Это будет ваша литературная смерть: "Погибла на боевом посту". Траурные речи, симфонический оркестр, венки будут – всё за счёт редакции.

– Я не хочу умирать... Пойду... к другому редактору...

История одной любви

Я снова в Баку и снова увидел тебя – ты комок нервов, ты несколько месяцев назад похоронила свою маму. Я уже не знаю, под каким предлогом звонить тебе, каждый день предлагать прогуляться вечером на нашем маленьком стадионе. Ты не замечаешь, как быстро стала восстанавливаться, как стала хорошеет. Я специально говорю с тобой о другой:

– Она же худая! Когда я вижу худых женщин, хочется их накормить.

Ты вспыхиваешь, как спичка, потому что тоже худая. Мне это только и надо, чтобы ты побыстрее "перезапустила свой компьютер", вышла из стресса, начала опять радоваться жизни. Посмотри, какая ты на "своей страничке" в интернете, и какая сейчас! И попробуй сказать, что я неправ.

Я не знаю, кому эти встречи больше нужны. Такое ощущение, что я соприкасаюсь с чем-то чистым-чистым. Я не слышу, что ты говоришь, вижу, как ты говоришь. Ты витаешь. Ты очень эмоциональный, романтичный человек. Почему-то хочется тебя защищать. Ты говоришь, что можешь быть стервой, можешь уничтожить словом любого человека. А что, бывает у женщины по-другому, если её разозлят? Зачем мне кого-то искать, если ты уже есть. И всё-таки у тебя глаза твоей мамы, хотя ты говоришь, что папы. Они такие же

добрые, как у неё. Люблю, когда ты споришь – ты обо всём забываешь.

Сколько же лет мы знаем друг друга? Ещё со школьной скамьи. Ты училась на год старше. Как давно это было! Я женился. Ты вышла замуж не по любви, просто подружки все уже были замужем, тебе хотелось тоже иметь мужа. Через десять лет я развёлся. Конечно, мы виделись, ведь живём в соседних домах. Как-то тебе понадобилось отремонтировать телевизор. Ты жила тогда вместе мамой. Я чувствовал, что тебе интересно со мной общаться, приглашала к себе. Но я уже жил тогда гражданским браком со своей соседкой по лестничной площадке. Дело не только в этом. Мне не нужна лекция – мне нужна одна. С гражданской женой у нас всё-таки жизнь не получилась, но мы остались друзьями и помогаем друг другу, как помогали бы нам родители, если бы они были живы. Но сердцу не прикажешь, мы давно уже не вместе. Но этого я не смогу тебе объяснить, потому что не знаю, как ты отреагируешь на это, мы же все соседи.

Какое же душевное тепло идёт от тебя! Но я ничего не могу сказать о своих чувствах. Как же мне легко с тобой! Может потому, что мы оба – Близнецы. Хотя моя первая жена была тоже Близнецом. Есть теория: первый ребёнок в семье всегда несёт в себе мужское начало, второй – женское. Я в семье второй, а все женщины, которые были у меня, были первыми детьми. Может, поэтому и не получалось любви. Ты в семье – вторая. Наверное, поэтому мне так с тобой легко и

тепло, потому что есть хоть какой-то порядок. Мне нравится твоё имя, оно мне дорого, потому что так звали мою любимую бабушку. Может, это бабушка послала тебя мне?! На мой последний отрезок пути!

Я не могу сделать тебе предложение. Даже если ты скажешь "да" – я не могу вернуться в Баку. Последние мои два приезда – я всё время на валидоле. Климат. Девять лет на Севере, не прошли для меня бесследно. Не хочу, чтобы ты меня хоронила. Не могу взять тебя с собой на Север – там, кроме куропаток и песцов, ничего нет, и мы ведь немолодые люди, уже далеко за пятьдесят. Я хочу обо всём тебе сказать, но не могу, да и зачем?! Всё равно тебе всё скажу, но потом, когда буду уезжать.

Ты женщина-талисман, приносящий удачу. Так шутят у тебя на работе. Твой директор решил проверить это: взял тебя, как талисман, в министерство выбивать деньги для ремонта школы. Там было двадцать директоров, приехавших с такой же целью. Ты не пошла в эту бойню, а осталась в приёмной и разговорилась с незнакомой женщиной, тоже ожидавшей приёма. Она оказалась представительницей крупной нефтяной компании, которая искала подходящую школу в Баку, чтобы её отремонтировать. Ты убедила эту женщину выбрать именно вашу школу. Наконец вышли все двадцать директоров – никому ничего не дали. Ты только сказала своему директору, у которого подскочил сахар на нервной почве.

– Сабир-муаллим, вам плохо?! Прошу, передохните чуть-чуть. Сейчас попрошу для Вас чай.

Все стали расходиться, а когда эта женщина пошла на приём, ты шепнула директору:

– Я нашла деньги.

Нефтяная компания сделала такой евроремонт в вашей школе, что все другие ахнули. А как нервничают твои ученики перед экзаменами! Но стоит им тебя увидеть, как их беспокойство проходит. Я сам бьюсь со своими рассказами безуспешно уже два месяца, но стоило тебе своей рукой отредактировать и опубликовать очередной мой рассказ, так я стал сразу получать рецензии, даже на предыдущие.

Соседка, уезжая в отпуск, попросила тебя кормить дворовую собаку. Только такая, как ты, могла согласиться. Ты пожалела собаку, которая обижена на весь целый свет и, может быть, справедливо. Её надо было искать по всему двору и кормить чуть ли не с ложечки. Ты делала это, хотя стеснялась бегать по двору за собакой. Даже эта собака почувствовала мои чувства к тебе. Она вчера бросилась на меня. Ревнует. Я почувствовал её зубы у себя на лодыжке. Это умная собака. Она сама разжала челюсть.

Знаю, в молодости ты выступала за сборную Азербайджана, имеешь медали. Но как-то ты мне сказала:

– Я хочу всё забыть, хочу забыть своё прошлое, не думать о будущем, хочу жить только настоящим. Потому что думать о счастливом прошлом очень больно.

Я этого никогда не смогу понять. У меня только грамоты. Много грамот. Медалей нет. Но я горжусь ими. Они для меня, всё равно, что добытые в бою. На одной так и написано "За волю, проявленную в бою". Я спрашиваю у тебя:

– Как об этом можно забыть?! В тебе дух бойца – по-другому в спорте невозможно!

– Я такой же боец, как и раньше. Также бегу по дорожке, как и раньше. Но если раньше я бежала к финишу, то теперь бегу, пока не упаду.

Мне хорошо, когда ты рядом, когда гуляем по стадиону вечером, хотя всего один час... сколько сил ты мне даёшь! От нашего общения я всё равно получаю больше, чем ты, отогреваюсь около тебя. Хотя бы капелька счастья появилась в моей жизни. Но это невыносимо: видеть тебя и молчать. Скорее бы на Север, в свой Северный Полярный Круг!

Я знаю, как буду с тобой прощаться. В день отъезда я зайду к тебе со своей флешкой, скопирую файл тебе на рабочий стол под каким-нибудь названием. Попрошу, как всегда, просмотреть, отредактировать текст этого моего последнего рассказа и потом его опубликовать. Знаю, что у тебя всегда много работы, и ты не сразу рассказмотришь. Попрошусь с тобой, пожелаю удачи и уеду навсегда.

Грибы

Сегодня пятница. У мусульман это священный день. Я всю жизнь прожил рядом с мусульманами, и это мне не чуждо, радуюсь вместе с ними. Бог у нас у всех один. И если завтра мне не ехать куда-нибудь по работе, то у меня есть выходные дни, и пятница становится вдвойне приятным днём. Значит – завтра я иду за грибами.

На следующий день я освободился только к четырём часам дня. Поэтому решил идти налегке и ненадолго. До Чёрной речки минут тридцать – за три часа обернусь. Места эти немного знаю, был там уже раза четыре. Не могу сказать, что грибов там много, но все, у кого нет транспорта, в основном, здесь и собирают. Много грибов мне не надо, наберу пакет и домой.

Через час я уже на месте, за Чёрной речкой, и приготовился косить грибы, тем более, что моя знакомая была здесь два дня назад с мужем, они набрали два больших пластмассовых ведра. Иду, а грибов-то нет. Уже тридцать минут брожу – и ни одного гриба. Грибы попадаются, но все червивые. И дожди были, даже если бы неделю дождя не было бы, всё равно в низинах что-то найти можно, а здесь – ни одного. Ага, дождевики попались – хоть такие. Нет, надо уходить дальше, тут всё выкосили. Пойду туда, где в первый раз был, хоть и

немного было, но взял массой. Здесь главное уловить микроклимат: чтобы солнышко было и влаги достаточно. Попалась, наконец, парочка красноголовиков, вот ещё один, и ещё один, и ещё. Уже что-то есть. Куда бы ещё пойти? Пойду налево. Вот один красноголовик, ещё, и ещё. Ну всё, с полутора килограмма будет, время около восьми часов, пора домой. Интересно, куда я забрёл. Болото вижу, но это не то большое болото, около которого я держался. И заката нет, чтобы сориентироваться по солнцу – небо всё в тяжелых дождевых облаках. Вроде запад там и болото туда идёт, как раз к городу, пойду вдоль него. Вот ещё красноголовик и неплохой...

Странно: болото кончилось, а всё незнакомо. Надо хорошо послушать: отдалённый лай собак слышу, даже иногда слабо слышен звук оборудования. С какой же стороны доносится звук? Жаль, заката нет. На часах девять часов. Красноголовик вижу – возьмём. Вроде я уже тут был... Правду люди говорят, что в лесу люди по кругу ходят, когда дороги не знают. Какое же это по счёту болото? Какая по счёту поляна? Вот ещё красноголовик. Нет, больше брать не буду – дело принимает серьёзный оборот. В тридцати минутах от города, в десяти минутах от Чёрной речки – и заблудиться! Начало десятого, надо выкидывать грибы. На запад ходил, на север – до просеки между Чёрной речкой и шоссе – ходил, как я думал, а практически ходил по кругу. Может, я эту просеку в темноте проскочил? Куда идти? Всё равно куда, определить направление не могу, может, повезёт. Слава Богу! Рассыпан-

ные грибы! Значит: люди здесь ходили и тропинка должна быть! Уже десять часов. Надеюсь, к двенадцати буду дома. Что-то грибы знакомые... Это мои грибы!... Надо идти... через полчаса я нашёл тропу и пошёл по ней. Тропа вывела на поляну. Обыскал всю поляну, но другой тропы больше не было. Ладно, пойду в другой конец тропы, куда-нибудь выйду. Через тридцать минут тропа кончилась на поляне, и опять без выхода.

Всё! Больше не могу, я уже в пути больше шести часов! Надо искать ночлег, найти подходящее болото, чтобы завтра по восходу сориентироваться. Вот и болото. Отойду от него к ёлкам. Люди говорят, что на землю надо класть еловые ветки. Проверю, заболею ли я после этой ночёвки. Вроде всё, ветки наломал, можно укладываться. Эх, так вляпаться! Ведь знаю же, что не могу ориентироваться на местности! Сколько раз меня выводили люди с рыбалки, с Усы! С города до Усы чуть ли не с закрытыми глазами дохожу, а обратная фаза полёта – никак. У меня скорее ноги запомнили обратную дорогу, чем мозги. Ведь только я устроился на работу, когда я теперь отсюда выйду? Что я скажу? Заблудился около дома?! Грибы что ли мне эти нужны или эта рыбалка?! Дешевле сёмгу в магазине покупать, чем это снаряжение для рыбалки, сама рыбалка. Женщина в Инте двадцать лет собирала грибы, пошла и не вернулась. Под Печорой муж с женой пошли за грибами, так муж вышел через два месяца под Ухтой. Жена не выдержала. Хватит думать о плохом! На-

до успокоиться и спокойно всё взвесить. Итак: я заблудился, температура +4 – +7, одет налегке, костёр разводить не умею, у меня есть нож, зажигалка. Дождя пока нет – было бы совсем худо. Питаться буду грибами, ягодами. Что с водой? Маленькие ручьи, в крайнем случае, из болота придётся пить. Это всё пока наихудший вариант. Надо определиться, где я. С юга Уса, с точки, где я перешёл Чёрную речку, до Усы три-четыре километра. С востока должно идти шоссе на Водозабор, до него два-три километра. С запада – Чёрная речка. Что у нас с севером? На севере у нас Нулевой, до него восемь-девять километров, мимо него я никак не проскочу. Значит, надо идти, только идти – куда-нибудь уткнусь. Завтра по восходу ориентируюсь на запад. Если опять будут тучи, говорят, можно сориентироваться по мху, растущему на деревьях – он растёт только с северной стороны. Завтра всё станет ясно. А сейчас спать... Что-то веток маловато, ноги на земле – ещё наломать надо, главное: не заболеть. Не спится... Сегодня семнадцатое августа. Ровно год назад скончался брат. Плохая примета. Женя, ты прости, годовщины я не отмечаю, только ваши дни рождения: бабушки, мамы, твой, отца. Представляю, что мы по-прежнему все вместе, и я сижу, вспоминаю.

Женя, Женя... В семидесятые ты приехал в Усинск по направлению после института. Так здесь и до конца остался. Как же ты хотел вырваться отсюда! Но не мог. Детей поднимать надо было, образование им дать, квартирами обеспе-

чить... Да, теперь каждый из твоей семьи имеет по квартире и с ремонтом... вот только тебя больше не вернёшь. Разве пятьдесят четыре года – это возраст, чтобы уходить из жизни! Тогда, в августе, перед твоим вторым, последним инсультом мы с тобой четыре раза за семь дней собирали белые грибы. Дело не в грибах, а в том, что надо поехать, собрать их, приехать, их надо обработать, сварить, пожарить... Даже я не выдержал, хотя я более мобильный, чем ты:

– Женя, тебе эти грибы не надоели?

– Мне не надоели! В Питере их нет!

Всё равно вторым инсультом это всё закончилось бы. По-другому ты жить не умел...

Мама почти так же ушла из жизни. Вся семья, наконец, вместе собралась, и она затеяла большую стирку. Всю жизнь мама на себе сэкономила и, конечно, на стиральной машине тоже. Это была её последняя стирка... Мама, мама... Как же ты меня любила! Сколько же я тебе принёс слёз. Сколько раз со мной проходила весь Баку, чтобы узнать, что со здоровьем сына. К пятнадцати годам моя детская медицинская карточка уже была как “Сага о Форсайтах”. Как ты берегла меня, как хотела уберечь от всего плохого. Со второго курса ты начала меня знакомить с дочерьми своих подруг, чтобы я не испортился и чтобы у меня было всё, как у всех. Как я сопротивлялся четыре года, но перед Наташей не устоял. Мама, мама, откуда нам было знать с тобой, что Наташе, просто надо было выскочить замуж... Мама, мама, как ты умоляла

не разбивать семью ради детей. У Наташи была прекрасная жизнь. Ты – с внуками, и готовишь, и стираешь, и убираешь. Отец – за продуктами и тебе помогал. Я, как всегда, полторы смены на работе. А Наташа с работы приходит и газеты читает. Сколько же любви ты вложила в моих детей, они же с тобой и росли. И что ты получила? Когда мы с Наташей всё-таки разошлись, она тебе заявила, что внуков Вы больше не увидите. Мама, мама, как же ты берегла меня. Пошла в институт при моём распределении, и меня никуда не направили. К сожалению, я узнал об этом только после твоей смерти. Если ты чувствовала угрозу своей семье, или так тебе казалось, – остановить тебя было невозможно. Твоя сестра рассказывала, что когда ты была в положении на восьмом месяце, тебе показалось, что с твоим мужем-геологом что-то случилось в горах. И ты поехала на рейсовом автобусе в Дагестан. Это более двухсот километров от Баку. Тебя рвало непрерывно. Водитель автобуса, наконец, не выдержал, он вышел из машины и стал молиться:

– О Аллах! За что ты меня наказываешь?! Что я сделал?! За что ты мне послал эту женщину?!

Ты доехала. Ты нашла своего мужа в горах. Когда отец тебя увидел, он чуть не лишился дара речи. А как я пропал на рыбалке под Еникендом, в ста тринадцати километрах от Баку. Мы с напарником Сергеем, наконец, вышли на шоссе, но рейсовых автобусов уже не было, а другие машины не останавливались. И мы шли с Сергеем в это село Еникенд, по-

чти три километра, навстречу штормовому встречному ветру вместе с дождём. В селе я увидел патрульную машину и пошёл к ней. Сережка мне кричит:

– Это же гаишники! Продажные шкуры!

Серёжка не знал, что может быть ты меня уже ищешь. Гаишники осторожно открыли окно “Волги” и с удивлением посмотрели на меня, всего мокрого и грязного:

– Ребята, вы откуда такие?

– Из города. Помогите добраться до Баку. Мать очень волнуется, она не знает, где я.

Гаишник внимательно посмотрел на меня и говорит:

– Подождите пока под навесом.

Мы доехали. Я был прав. Ты вся в слезах. Уже обзвонила всех. Твой племянник Виктор, тоже рыбак, еле-еле уговорил тебя подождать до утра:

– Тётя Рена, утром мы поедem. Я не знаю куда: двести километров на юг, двести километров на запад или двести километров на север. Но поедem.

Все знали, что остановить тебя в таких случаях невозможно.

Мне было двадцать пять, врачи сказали, что у меня псориаз, хотя это был не псориаз, назначили курс лечения, внутривенные уколы. После четвёртой, пятой инъекции я стал покрываться гноем. Никто ничего не мог понять. Я покрылся весь гноем и полностью стал неподвижен. Лейкоциты дошли до двадцати восьми тысяч. Врачи только руками разводили,

сказали, что если будет более тридцати двух тысяч – это конец. Ты пошла к командующему Закавказского округа. Он сказал тебе, что нужен письменный отказ гражданской медицины в данном случае. Ты сделала это. Ты положила меня в госпиталь. Врач – майор, стала меня "вытаскивать". Я был на больничном шесть месяцев, зацепил ещё кучу болезней, потому что иммунитет... иммунитет ещё какой-то оставался. Но ты, мама, не сдавалась, стояла до конца, старалась только, чтобы я не видел твоих слёз. Мама, мама, как же ты меня любила! Наши соседи, кто ещё жив, кто ещё помнит тебя, говорят: твоя мама была святая женщина. Мама, мама, прости меня, не сберёг я тебя, я скоро приду к тебе, но не сейчас и больше огорчать не буду.

Надо ещё наломать веток. Когда же эта ночь закончится! Уже час ночи. Никак не усну... И всё-таки я остался один. Всю жизнь хотел иметь семью. Любовь – это вера. Уходит вера – уходит и любовь. С Наташей не получилось – там всё понятно, она никогда и не любила меня. С Аллой пятнадцать лет – тоже не получилось. Сколько же, Алла, мы с тобой прошли: и резню, и войну, и голод. Сколько же мы с тобой вынесли! Ты мне просто жизнь спасла. Тогда на сороковой день мамы, Ритка – экстрасенс мне говорит:

– Сегодня ты можешь поговорить с мамой, я помогу.

И мама через Риту говорит: "Ты виноват!"

Я знаю, что виноват, но мама никогда такое бы не сказала, слишком сильно она меня любила. А в меня, после этих слов

будто космос ворвался. Такое уже у меня было пятнадцать лет назад. Сразу предынфарктное состояние, высокое давление, пульс достигал двухсот ударов. Полгода врачам понадобилось, чтобы вывести меня из этого состояния. А тогда, в девяностом, я остался один. Перед этим мы с тобой разбежались: я тебе слово – ты мне десять, и это мне надоело. Ты не знала, что ты беременна. А после Риты я понял, что второго такого удара я не перенесу. Мне не к кому было идти, кроме тебя. Я пришёл к тебе, постучал, ты открыла

– Мне очень плохо. Мне от тебя ничего не надо. Мне надо прижаться к тебе и попробовать уснуть. Может, это поможет.

Уже потом ты мне сказала: ” Ты был белый, как полотно”. Утром я проснулся, как ни в чём не бывало. Сказал "спасибо" и ушёл. Только через месяц от Риты я узнал, что ты беременна. Алла, Алла, почему ты не родила?! И потом была возможность. И всё было бы у нас по-другому. Я все свои обещания перед тобой сдержал. А ты так и не поверила мне. Мои родители с девяти квадратных метров начинали: бабушка и я с братом. Уверен: твои родители начинали так же. Конечно, пятидесятые и девяностые годы не сравнить – жизнь другая, люди другие. Но я работал и телевизоры ремонтировал, и на кораблях за рыбой ходил, и свои квартиры у нас с тобой были. Делал, что мог. Конечно, это не те деньги, которые ты хотела. Но жизнь, счастье за деньги не купишь. Алла, Алла... Что же ты искала?

Надо спать. Уже два часа ночи. Когда же эта ночь закон-

чится!

Начало четвёртого... Светает. Пора вставать. Солнца нет – везде дождевые облака. Надо сориентироваться по мху. Вот и деревья... Найти бы этого бойскаута и мордой ткнуть – общий угол разброса больше девяноста градусов. И куда же идти?! Надо идти...

Странная штука жизнь. Все мои детские сны, все предсказания гадалки сбылись. Мне всегда снился один и тот же сон: какой-то маленький городок на холмистой местности (если представить, что это Усинск на пятьдесят тысяч жителей – то всё сходится). Я лежу с автоматом и обороняю свой дом. Если представить, что уже двадцать лет я храню, защищаю свою квартиру, не имея на неё документов – то всё сходится. Гадалка сказала, что ты останешься один – так и получилось. Вот и не верь во всё это. Да и как не верить. Маму хоронили, люди все собрались уже, уже выносить надо, и вдруг сердце прихватило так, что шевельнуться не могу. И я впервые обратился к Богу, попросил, чтобы похоронить, как полагается. Через минуту сердце отпустило...

Упал. Вчера не падал. Не знаешь куда ставить ногу. Высокая растительность. То ли яма, то ли полусгнившее, невидимое, поваленное дерево. Глаза. Главное, уберечь глаза от этих веток и сучьев. Надо идти. Хорошо, что дождь не идёт. В общей сложности я уже иду десять часов, только надо идти...

Рита – классный экстрасенс. Как на рентгене видела бо-

лячки у больных, сам свидетель. Хорошо, что отошла от этих дел, как и я. Каждый экстрасенс знает, что если он пойдёт не по тому пути – его ждёт смерть. Знать бы этот путь. Рита чудом осталась жива. Чтобы быть экстрасенсом, надо быть в состоянии ненормальности или быть шарлатаном. Настоящие народные целители, экстрасенсы, себе уже не принадлежат. Сулейман из Шеки – очередь с восьми утра до семи вечера. Доктор Шахбазов, профессиональный врач, десять лет обучался на Тибете восточной медицине. Специально приехал на родину, чтобы лечить. Моего напарника по рыбалке Джаангира спас от каверны в лёгких. Врачи уже отвернулись от Джаангира, отпустили из больницы под расписку домой – умирать. Шахбазов спас. И всё равно Шахбазова сожрали... Я, конечно, не Шахбазов, но тоже что-то получалось в этой области. Эта женщина, заведующая столовой, два месяца была на больничном, давление под двести, каждый третий день скорая. После второго сеанса через неделю вышла на работу. Тетя Надя, Марина, Татьяна, а этот лось Сашка, водитель под сто двадцать килограммов. Его левая рука вдруг отказала. Все врачи разводили руками. Один раз всего с ним работал, в последний день нашей вахты. На следующую вахту он меня увидел и кричит: "Я сына на этой руке два часа держал!". Эта заведующая столовой потом попросила к ней зайти и, когда я пришёл, она ставит передо мной литровую банку полную чёрной икры и говорит: "Это твоя банка, когда захочешь, приходи и ешь." Но банку не дала...

Опять упал... Как по Джеку Лондону – “Белое безмолвие”, правда, пока лесное безмолвие. Ещё немного и сюда придёт наше белое безмолвие – минус сорок. Усинск даже севернее находится, где был Джек. Всё трудней продираться сквозь деревья. Надо идти...

Дочь свою пятилетнюю от больницы спас. Знал, что не имею права работать с детьми. Но это моя дочь. Что же тогда я ей сказал? Поставил её на стол и стал говорить:

– У тебя самые красивые глазки в мире и всё у тебя пройдёт, всё исчезнет с твоего личика...

В течение нескольких дней вся эта зараза исчезла с личика дочери. Марина, жена моего товарища по работе. Всего один раз с ней работал. На следующий день её муж мне говорит:

– Представляешь, эта дура, на последние деньги в доме пошла и купила тефлоновую сковородку.

– Радуйся, Володя, она наконец жить захотела!

Он подумал и говорит:

– Это всё у неё было из-за плохой погоды.

Что мне было ему сказать? О глазах его жены, как она смотрела. Этот взгляд “раздавленного” жизнью человека. О том, что он пьёт. И когда он пьёт – хоть беги из дома. О том, что его жена совсем недавно потеряла свою мать. О том, что его жена, молодая красивая женщина, совсем недавно по неосторожности опрокинула на лицо кипящее масло. Я промолчал.

Который раз я уже падаю... Левый сапог уже давно мок-

рый, уже не помню, когда я провалился в очередном болоте. Точно будет, как у Джека Лондона – ещё немного и буду ползти... Прощения у Бога просить не буду – я его не заслужил... Прятаться не привык. Если ад, значит ад. Мать только не поймёт, если сдамся. Надо идти. Сколько же иду? Только идти...

Всё история о годовалой девочке никак из головы не выходит. По радио передавали, как одна женщина, мать двоих детей, взяла эту девочку из приюта. Эта девочка была слепая, с атрофированным язычком, с кучей тяжелейших болезней. И вот эта мама рассказывала, как этот изувеченный комочек тянется к жизни...

Почему справа в тридцати метрах деревья резко заканчиваются? Если это Уса, то её ширина здесь метров пятьсот, берега высокие, обрывистые – так и будет... Если это опять большое болото – тоже так и будет... Надо пойти посмотреть... Это река! Уса! Я упал на колени и стал молиться...

Третий Рим

Не надо портить отношения с Россией

С её медведями в лесах.

И даже с тараканами в мозгах

Иных её правителей.

Всегда пришлют посланника с небес

С Крестом: Спаси и Сохрани.

Иль свой найдётся лидер среди нас –

Сплотит и защитит Россию,

Чей меч докажет справедливость слов:

Вам не одолеть Россию, господа!

Два Рима пали. Россия – третий Рим,

Четвёртого не будет никогда.

Монтсеррат Кабалье

– Аллю?

– Привет Вова!

– Привет Тома!

– Хочешь пойти в филармонию на мастер-класс Монтсеррат Кабалье?

– Кого?!

– Монтсеррат Кабалье.

– Она пению будет меня учить? У меня же слуха нет!

– Какой ты тёмный человек. Она будет учить других, а ты слушаешь.

– Согласен. Во сколько?

– В шесть часов. Зайди за приглашением.

– Уже иду.

С Томой мы живём в одном доме уже более сорока лет. Они с мужем – профессиональные музыканты, объездили почти весь мир, но выступают отдельно. Так что приглашаемые билеты у меня в двойном размере. Да и другие соседи такие же простые, добрые люди. В горе и радости всегда все рядом...

За полчаса до начала я уже около филармонии. Все мысли только о Монтсеррат Кабалье. Знаю, что в Баку она приехала на несколько дней и уже побывала в нашей опере. Настрое-

ние портит только одно – я не знаю, что такое мастер-класс. Слух у меня есть и абсолютный, но музыкальная память никакая. Хорошо, что самому не придётся петь. Томительно идёт время. Народ всё прибывает и прибывает. Как всегда, на пригласительном билете нет ряда и номера кресла. Я не выдерживаю и захожу в филармонию. Усаживаюсь, до начала десять минут. Уже полный зал, а люди всё идут и идут, я такого в нашей Бакинской филармонии не припомню. Гаснет первый ряд огней, через несколько минут второй ряд и, наконец, третий. Но разве нашу бакинскую публику остановишь? Люди всё идут, то тут, то там звонят мобильные телефоны и кто-то из владельцев телефона обязательно должен сказать, что он на мастер-класс и Монтсеррат Кабалье будет учить его пению. На владельцев телефонов косо смотрят, делают замечания...

Наконец, на сцене появляются люди, их представляет ведущий, и немного спустя появляется Монтсеррат Кабалье – женщина в годах, с палочкой, еле ходит. Но взгляд у неё твёрдый. Одета она неброско, вещи дорогие. Как всегда, её чёрные волосы уложены в причёску. Она в сопровождении молодого человека-переводчика. Все располагаются за одним столом, Монтсеррат Кабалье садится с краю, ей выносят табуретку-подставку для больной ноги. Взаимное приветствие. Мастер-класс начался. Опять у кого-то зазвонил телефон, Монтсеррат Кабалье смотрит на провинившегося. Этот пронзительный взгляд испанской женщины. Такой же

взгляд был у другой знаменитой испанки-танцовщицы Кэти Клавихо. Как оказалось, было отобрано пять лучших девушек и один парень. Репертуар в основном состоял из итальянских арий, и наши старались вовсю. Но даже на меня они большого впечатления не произвели. Опять у кого-то звонит телефон, Монтсеррат Кабалье берёт микрофон и просит зал отключить мобильные телефоны. В просьбе уверенность и твёрдость, с такой не пошутишь. До конца мастер-класса потом не прозвенел ни один телефон. Монтсеррат Кабалье внимательно слушала, каждый исполнял какой-нибудь отрывок из арий. Теперь началось всё сначала. Каждый начинал петь, но теперь Монтсеррат Кабалье каждый раз останавливала, когда ей что-то не нравилось и требовала петь с учетом её замечаний. Так они совместно доходили до конца отрывка. Теперь исполнитель должен был исполнить весь музыкальный отрывок, учитывая все замечания Монтсеррат Кабалье. Разница между тем, как было и как стало, была просто непередаваемой. И вот дошла очередь до последней нашей певицы. Как я понимаю, её голос – меццо-сопрано. Монтсеррат Кабалье ни разу её не остановила. Девушка закончила арию. Монтсеррат Кабалье молчит. Зал молчит, не знает, что ему делать. Девушка в растерянности стоит на сцене, тоже не знает, что ей делать. И вдруг Монтсеррат Кабалье начинает подниматься со своих двух табуретов и ковыляет к роялю, где стоит наша певица. Зал в замешательстве. Воцарилась полная тишина. Раздавался лишь звук шагов Монтсеррат и стук

её палочки. Она доходит до исполнительницы, обнимает её и целует. До зала начинает доходить, что происходит, и он взрывается

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.